

Дело «Шнеерсоне и Кампанелла (Šneersone and Kampanella) против Италии»¹

(Жалоба № 14737/09)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ²

г. Страсбург, 12 июля 2011 г.³

По делу «Шнеерсоне и Кампанелла против Италии» Европейский Суд по правам человека (Вторая Секция), заседая Палатой в составе:

Франсуази Тюлькенс, *Председателя Палаты*,
Давида Тора Бьоргвинссона,
Драголюб Поповича,
Джорджио Малинверни,
Андраша Шайо,
Гвидо Раймонди,
Паулу Пинту ди Албукерки, *судей*,
а также при участии Стэнли Найсмита, *Секретаря Секции Суда*,
заседая 21 июня 2011 г. за закрытыми дверями,
вынес следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой № 14737/09, поданной 9 марта 2009 г. в Европейский Суд по правам человека (далее – Европейский Суд) двумя латвийскими гражданами – Елизаветой Шнеерсоне (Jelīzaveta Šneersone) и ее сыном Марко Кампанеллой (Marko Kampanella) (далее – заявители) против Итальянской Республики в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция).

2. Интересы заявителей представляла адвокат А. Ректиня (A. Rektīņa), практикующая в г. Рига. Власти Италии были представлены Уполномоченным Италии при Европейском Суде Э. Спатафорой (E. Spatafora).

¹ Единственно официальными текстами постановлений Европейского Суда по правам человека являются тексты на французском и английском языках. Перевод на русский язык не налагает каких-либо обязательств на Совет Европы и Европейский Суд по правам человека.

© «Бюллетень Европейского Суда по правам человека».

² Перевод с английского Г.А. Николаева.

³ Постановление вступило в силу 12 октября 2011 г. (*прим. редактора*).

3. Заявители, в частности, утверждали, что власти Италии нарушили их право на уважение семьи, гарантированное статьей 8 Конвенции. Они также подчеркивали, что отсутствие первой заявительницы на слушании дела в Римском суде по делам несовершеннолетних сделало процесс принятия решений в итальянских судах несправедливым.

4. 26 ноября 2009 г. председатель Палаты, в которую было передано дело, коммуницировал властям Италии жалобу в части процессуальной справедливости разбирательства в Италии, а также на предполагаемое вмешательство в право заявителей на уважение семейной жизни.

5. Стороны представили письменные возражения на объяснения друг друга. Кроме того, комментарии третьей стороны были получены от властей Латвии, которые воспользовались правом вступить в дело (пункт 1 статьи 36 Конвенции и подпункт «b» пункта 1 правила 44 Регламента Суда). Стороны ответили на эти комментарии (пункт 6 правила 44 Регламента Суда).

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

6. Заявители родились в 1973 и 2002 годах, соответственно, и проживают в г. Рига.

A. СОБЫТИЯ, ИМЕВШИЕ МЕСТО ДО ОТЪЕЗДА ЗАЯВИТЕЛЕЙ ИЗ ИТАЛИИ

7. В 2002 году первая заявительница родила сына Марко в Италии. Его отец являлся итальянским гражданином, который не был женат на первой заявительнице, но никогда не оспаривал свое отцовство по отношению к Марко. В 2003 году родители Марко расстались, и заявители стали отдельно проживать в Италии в г. Черветери (Cerveteri). Заявители утверждают, что после рождения Марко он практически находился на исключительном попечении своей матери, и участие отца в его воспитании было минимальным.

8. По требованию первой заявительницы 20 сентября 2004 г. Римский суд по делам несовершеннолетних (*Tribunale per i minorenni di Roma*) передал попечение в отношении Марко его матери, поскольку продолжающийся конфликт между родителями делал совместное попечение неосуществимым. Однако суд постановил, что отец имеет право на пребывание сына в его доме по определенным дням недели, а также когда первая заявительница выезжает из Рима на срок, превышающий одну неделю, или из Италии на любой срок. Решение вступило в силу в день принятия.

9. Отец Марко обжаловал это решение и требовал совместного попечения или признания за ним единоличного попечения и запрета на вывоз ребенка первой заявительницей за границу или на изменение ею места жительства без предварительного согласия отца. Секция по делам несовершеннолетних Римского апелляционного суда (*Corte d'appello di Roma. Sezione per i minorenni*) отклонила его жалобу 1 марта 2005 г., отметив, в частности, что ребенок хорошо развивается и что невозможно обеспечить его развитие путем признания единоличного попечения за отцом. Кроме того, она отметила, что озабоченность отца по поводу того, что первая заявительница может переехать в Латвию и увезти с собой сына, является необоснованной, поскольку судья по делам опеки (*giudice tutelare*) ранее отказал в выдаче паспорта Марко и поскольку его мать строго соблюдает решение суда первой инстанции и оставляла ребенка на попечение отца, когда выезжала в Латвию.

10. 24 июня 2005 г. судья по делам опеки дал разрешение на выдачу паспорта Марко. 11 июля 2005 г. отец Марко обжаловал это решение. 14 ноября 2005 г. Римский суд по делам несовершеннолетних отклонил жалобу отца Марко за отсутствием сведений о том, что первая заявительница планирует покинуть Италию вместе с ребенком.

11. 3 февраля 2006 г. суд (*Tribunale*) г. Читтавекья (*Civitavecchia*) указал, что отец Марко должен вносить средства на содержание ребенка. В решении, *inter alia*, отмечалось, что отец ранее уклонялся от финансовой поддержки своего сына. Отец Марко не внес соответствующих платежей, и 8 апреля 2006 г. первая заявительница подала жалобу на это в итальянскую полицию.

В. ОТЪЕЗД ЗАЯВИТЕЛЕЙ И ПОСЛЕДУЮЩЕЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО В ИТАЛИИ

12. Представляется, что из-за уклонения отца от финансовой поддержки Марко единственный доход заявителей заключался в средствах, поступавших от матери первой заявительницы из Латвии. Однако в декабре 2005 г. мать первой заявительницы уведомила ее о том, что она больше не может оказывать ей финансовую поддержку. Как утверждают заявители, именно по этой причине они были вынуждены возвратиться в Латвию в апреле 2006 г. Заявители указали, что они впоследствии возвращались в Италию на непродолжительное время. По сведениям властей Италии, они больше не возвращались.

13. 7 февраля 2006 г. Марко получил латышское гражданство, поскольку было установлено, что постоянным местом жительства его матери в момент

рождения являлась Латвия. После этого первая заявительница зарегистрировала Марко по месту жительства в принадлежавшей ей квартире, расположенной в г. Рига.

14. В неустановленную дату отец Марко просил Римский суд по делам несовершеннолетних передать ему единоличное попечение в отношении Марко и вынести решение о его возвращении в Италию.

15. 5 июня 2006 г. данный суд вынес решение, которым удовлетворил требование отца. В решении отмечалось, что действия первой заявительницы причиняют вред ребенку. Суд также указал, что не имеет юрисдикции для возвращения ребенка в Италию, но указал, что Марко должен проживать с отцом. Наконец, решение предусматривало, что 25 октября 2006 г. состоится слушание и что отец Марко обязан уведомить первую заявительницу о решении суда до 20 сентября 2006 г.

16. Заявители утверждали, что первая заявительница не была уведомлена о назначенном слушании, она также не получила повестки. Заявители также указывали, что отец Марко не требовал полного попечения, а вместо этого просил суд восстановить его права общения с ребенком и вернуть его в Италию. Первая заявительница утверждает, что она узнала о принятом решении в марте 2007 г.

С. РАЗБИРАТЕЛЬСТВО В ЛАТВИИ В СООТВЕТСТВИИ С ГААГСКОЙ КОНВЕНЦИЕЙ

17. 16 января 2007 г. (в связи с вероятной опечаткой документ датирован 16 января 2006 г.) Министерство юстиции Италии в качестве центрального органа согласно статье 6 Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей (далее – Гагская конвенция) направило требование о возвращении Марко в Италию.

18. После получения требования латвийское Министерство по делам детей и семьи (*Bērni un ģimenes lietu ministrija*), являющееся латвийским центральным органом в значении Гагской конвенции, возбудило гражданское разбирательство против первой заявительницы в соответствии со статьей 7 Гагской конвенции. Видземский районный суд Риги, в который было передано дело, предложил Суду Риги по делам сирот (*Rīgas bāriņtiesa*) обследовать место жительства заявителей и вынести заключение по вопросу возможности возвращения Марко к его отцу в Италию. После посещения места жительства заявителей Суд Риги по делам сирот решением от 20 марта 2007 г. установил, что жилищные условия ребенка благоприятны для его роста и развития. Он также отметил, что Марко приспособился к проживанию у матери,

и она полностью обеспечивает его физическое и интеллектуальное развитие. Соответственно, Суд Риги по делам сирот заключил, что возвращение ребенка в Италию не будет отвечать его наилучшим интересам.

19. Это заключение также поддержал психолог, мнение которого запросил адвокат заявителей. В заключении, датированном 30 марта 2007 г., психолог указал, что не следует допускать разрыва контактов Марко и его матери, поскольку он отрицательно скажется на развитии ребенка и даже может вызвать невротические проблемы и заболевания.

20. Письмом от 6 апреля 2007 г. итальянский центральный орган указал латвийскому центральному органу, что, если возникнет какое-либо обстоятельство, упомянутое в статье 13 (b) Гагской конвенции, Италия сможет организовать широкомасштабную программу защиты ребенка, обеспечивающую получение Марко и его отцом психологической помощи.

21. 11 апреля 2007 г. Видземский районный суд Риги вынес решение об отказе в удовлетворении требования отца о возвращении Марко в Италию. Этот суд основывал свое решение на Гагской конвенции и Регламенте Совета Европейского союза 2201/2003 № 2201/2003 от 27 ноября 2003 г. «О юрисдикции, признании и приведении в исполнение судебных решений по семейным делам и делам об обязанностях родителей» (далее – Регламент). Суд установил, что передача Марко не являлась правомерной по смыслу Гагской конвенции и Регламента, поскольку она была проведена без разрешения отца. Также учитывалось, что собственное мнение Марко не является обязательным, поскольку ему в то время было четыре года, и он не мог сформировать собственную позицию о том, с каким из родителей ему следует проживать.

22. Суд нашел необходимым проверить наличие обстоятельств, предусмотренных статьей 13 (b) Гагской конвенции, и заключил, что эти обстоятельства существуют. Он отметил связи между Марко и его матерью, тот факт, что он хорошо устроен в Латвии, и нашел, что пребывание в Латвии имеет существенное значение для его развития. Видземский районный суд нашел, что положения статьи 11 (4) Регламента не исполнены, особенно ввиду отсутствия у первой заявительницы возможности последовать за Марко в Италию в случае его возвращения туда. Кроме того, гарантии, предоставленные Италией, не обеспечивают ребенку отсутствие психологических страданий и ущерба его психическому состоянию. Соответственно суд применил статью 13 (b) Гагской конвенции и отклонил требование отца.

23. 24 мая 2007 г. Рижский окружной суд принял решение, которым отклонил жалобу отца на решение Видземского районного суда. По существу окружной суд согласился с выводами суда первой инстанции о том, что гарантии, предоставленные итальянским центральным органом относительно защиты Марко после его потенциального возвращения в Италию, были слишком неопределенными и неконкретными. Также указывалось, что отец Марко не делал попыток установить контакт со своим сыном даже после отъезда заявителей из Италии.

24. 4 июня 2007 г. первая заявительница просила Видземский районный суд Риги передать ей единоличное попечение в отношении Марко. 8 января 2008 г. Рижский суд по делам опеки вынес заключение о том, что передача под единоличное попечение относительно Марко его матери отвечает его наилучшим интересам. Суд по делам опеки указал в числе других соображений, что отец Марко не видел своего сына с 2006 года.

D. РАЗБИРАТЕЛЬСТВО НА ОСНОВАНИИ РЕГЛАМЕНТА

25. 7 августа 2007 г. отец Марко предъявил в Римский суд по делам несовершеннолетних требование на основании пунктов 4, 7 и 8 статьи 11 Регламента о вынесении немедленно вступающего в силу решения о возвращении Марко в Италию.

26. 11 декабря 2007 г. первая заявительница представила этому суду свои объяснения, в которых признавала, что она покинула Италию из-за продолжающегося конфликта с отцом Марко и в связи со сложным финансовым положением. Она отметила, что отец Марко никогда не посещал Латвию для общения со своим сыном; однако она указала, что заявители всегда могли прибыть в Италию для встречи с отцом Марко во время школьных каникул. В заключение она просила суд взыскать средства на содержание ребенка в размере 700 евро ежемесячно.

27. В контексте обособленного разбирательства 11 января 2008 г. суд г. Читтавекия вынес решение по требованию первой заявительницы относительно средств на содержание ребенка и обязал отца Марко выплатить первой заявительнице 4 800 евро, не считая процентов, начиная с 14 октября 2004 г.

28. Решением от 21 апреля 2008 г. Римский суд по делам несовершеннолетних удовлетворил требование отца. Он нашел, что в соответствии со статьей 11 (4) Регламента его задача сводится к проверке наличия адекватных мер для обеспечения защиты ребенка от определенных угроз в значении статьи 13 (b) Гагской конвенции до

или после его возвращения. Рассмотрев объяснения первой заявительницы, суд отметил, что отец предложил Марко проживать с ним, тогда как первая заявительница могла бы пользоваться домом в Аранове (Aranova)¹ на срок от 15 до 30 дней подряд в первый год и впоследствии в течение одного летнего месяца в каждом году (первой заявительнице пришлось оплатить бы расходы на проезд и половину стоимости аренды дома в Аранове), в течение которых Марко мог бы находиться с матерью, тогда как отец имел бы право посещать его ежедневно. Марко мог бы поступить в детский сад, который посещал до выезда из Италии. Он также мог бы посещать плавательный бассейн, которым пользовался ранее. Отец также обязался обеспечить получение ребенком адекватной помощи и посещение им русскоязычных классов для русских детей. Суд нашел такую организацию адекватной для исполнения требований Регламента и обязал немедленно исполнить решение о возвращении Марко в Италию и его проживании с отцом. Суд также подчеркнул, что было бы предпочтительно сопровождение Марко первой заявительницей в Италию, но, если это окажется невозможным, его возвращение будет организовано итальянским посольством в Латвии. В силу неотложного характера дела решение должно рассматриваться как подлежащее исполнению немедленно.

29. 18 июня 2008 г. (что, по-видимому, является опечаткой, правильной датой является 18 июня 2009 г.) первая заявительница подала в суд по делам несовершеннолетних ходатайство о приостановлении исполнения этого решения. Она утверждала, что Марко не был заслушан судом и что суд по делам несовершеннолетних не принял во внимание доводы, учтенные латышскими судами при вынесении решений с применением статьи 13 Гагской конвенции.

30. 20 июня 2008 г. первая заявительница подала жалобу на решение Римского суда по делам несовершеннолетних от 21 апреля 2008 г. В своей жалобе она просила приостановить исполнение этого решения, заслушать Марко в заседании апелляционного суда, вынести решение о ее единоличном попечении в отношении Марко, и обязать отца Марко уплачивать 700 евро в месяц на содержание ребенка.

31. 22 июля 2008 г. Римский суд по делам несовершеннолетних принял решение, которым отклонил ходатайство первой заявительницы о приостановлении исполнения решения от 21 апреля. Этот суд нашел нецелесообразным допрос ребенка ввиду его юного возраста и уровня зрелости. Кроме

того, он полагал, что статья 42 Регламента не обязывает заслушивать стороны лично. Он отметил, что все решения, принятые латышскими судами, были приняты во внимание надлежащим образом. Наконец, суд удовлетворил требование отца о выдаче свидетельства о возвращении в соответствии со статьями 40, 42 и 47 Регламента. Свидетельство было выдано 29 июля 2008 г.

32. 14 августа 2008 г. итальянский центральный орган направил письмо латвийскому центральному органу, приложив решение суда по делам несовершеннолетних от 22 июля 2008 г. и предложив уведомить итальянскую сторону «о мерах, которые будут приняты в целях исполнения решения о возвращении, вынесенного судом по делам несовершеннолетних в Риме».

33. 27 августа 2008 г. психолог представил еще одно заключение о психологическом состоянии Марко. В заключении указывалось, что у ребенка возникли определенные психологические проблемы в связи с требованием его отца о возвращении его в Италию. Он также напомнил свое более раннее заключение о том, что Марко имеет прочные эмоциональные связи со своей матерью, расторжение которых недопустимо.

34. 10 сентября 2008 г. первая заявительница получила информацию из латвийского центрального органа по поводу требования, поступившего от итальянского центрального органа. Первая заявительница была уведомлена о том, что Латвия имеет обязательства по исполнению решения Римского суда по делам несовершеннолетних от 21 апреля 2008 г.

35. 13 февраля 2009 г. первая заявительница обратилась в Видземский районный суд Риги с требованием о принятии предварительных мер и недопущении возвращения Марко в Италию, «пока он сам не согласится возвратиться к своему отцу в Италию». Кроме того, она просила суд предложить Римскому апелляционному суду и Римскому суду по делам несовершеннолетних отказаться от юрисдикции в пользу Видземского районного суда, поскольку в этот суд 4 июня 2007 г. было передано продолжающееся дело о передаче матери исключительного попечения относительно Марко, а также в связи с постоянным местом жительства ребенка в Латвии.

36. 18 февраля 2009 г. Видземский районный суд принял решение, которым оставил без рассмотрения требование первой заявительницы по вопросу о попечении относительно Марко, поскольку нашел, что жалоба первой заявительницы на решение Римского суда по делам несовершеннолетних от 21 апреля 2008 г., находящаяся на рассмотрении в Римском апелляционном суде, затрагивает тот же предмет, и в нем участвуют те же стороны.

¹ Небольшой поселок в нескольких километрах от Рима (прим. редактора).

37. 21 апреля 2009 г. Римский апелляционный суд вынес решение по жалобе первой заявительницы на решение Римского суда по делам несовершеннолетних от 21 апреля 2008 г. Апелляционный суд, прежде всего, отметил, что в соответствии со статьей 11 (8) Регламента (см. ниже, § 45) он имеет юрисдикцию для рассмотрения вопроса о возвращении ребенка в Италию. Далее он отметил, что суд первой инстанции правильно применил порядок, предусмотренный статьей 11 (7) Регламента (см. ниже, § 45), о чем свидетельствует мотивированное заключение Европейской комиссии (см. ниже, §§ 39–45). Суд отметил, что решение о передаче отцу Марко единоличного попечения мотивировано поведением первой заявительницы, которая увезла ребенка в Латвию, и обязательством отца заботиться о ребенке в Италии. Апелляционный суд оставил без изменения решение Римского суда по делам несовершеннолетних и указал, что после возвращения ребенка в Италию он поступит в начальную школу.

38. 10 июля 2009 г. судебный исполнитель Рижского окружного суда, ответственный за исполнение решения Римского суда по делам несовершеннолетних от 21 апреля 2008 г., предложил отцу Марко оказать содействие в исполнении этого решения путем восстановления контакта со своим сыном. Представляется, что отец Марко не реагировал на это предложение.

Е. РАЗБИРАТЕЛЬСТВО В ЕВРОПЕЙСКОЙ КОМИССИИ

39. 15 октября 2008 г. Республика Латвия предъявила иск против Италии в Европейской комиссии в порядке статьи 227 Договора, учреждающего Европейское сообщество. Латвия, в частности, утверждала, что вышеупомянутое разбирательство в Италии (решение от 21 апреля 2008 г. и выдача свидетельства о возвращении в июле 2008 г.) не соответствовало Регламенту, поскольку ни один из заявителей не был заслушан Римским судом по делам несовершеннолетних 21 апреля 2008 г., а также Римский суд по делам несовершеннолетних игнорировал решения Видземского районного суда Риги от 11 апреля 2007 г. и Рижского окружного суда от 24 мая 2007 г.

40. 15 января 2009 г. Комиссия вынесла мотивированное заключение. Она установила, что Италия не нарушила ни Регламент, ни «общие принципы права Европейского союза». Что касается рассмотрения дела Европейским Судом, комиссия указала следующее.

41. Прежде всего, подчеркивалось, что с учетом конкретных обстоятельств дела, в котором Латвия оспаривала законность действий итальянского органа с судебной функцией, пределы рассмотре-

ния комиссии весьма ограничены. Комиссия вправе рассматривать только процессуальные вопросы, а не существо дела, и она должна соблюдать решения, вынесенные итальянскими судами при осуществлении их дискреционных полномочий.

42. Что касается довода Латвийской Республики о том, что решение от 21 апреля 2008 г. было вынесено в отсутствие попыток заслушать мнение Марко, комиссия подчеркнула, что, как следует из Регламента, Конвенции ООН по правам ребенка (далее – Конвенции ООН), Гаагской конвенции и Хартии Европейского союза по правам человека, заслушивание мнения ребенка по вопросам, его касающимся, является фундаментальным принципом. Однако этот принцип не является абсолютным. Должен быть принят во внимание уровень развития ребенка. Этот уровень не определен и не мог быть определен в международном праве, поэтому национальные органы пользуются широкими пределами усмотрения в таких вопросах. Комиссия установила, что итальянский центральный орган воспользовался этой дискрецией и указал в свидетельстве о возвращении, что заслушивание итальянскими судами Марко не является обязательным. Соответственно, ни один из актов международного права, на которые ссылалась Латвия, не был нарушен.

43. Латвия также критиковала тот факт, что решение от 21 апреля 2008 г. было принято без надлежащего учета позиции первой заявительницы и что решение было принято без заслушивания сторон, включая первую заявительницу, которые не были уведомлены о времени предстоящего слушания и не были приглашены для участия в нем. Комиссия отметила, что решение от 21 апреля 2008 г. было принято в рамках письменной процедуры, без заслушивания устных объяснений той или иной стороны, что полностью соответствовало действующему процессуальному законодательству Италии. Комиссия истолковала статью 42 (2) (b) Регламента (см. ниже § 51) с учетом прецедентной практики Европейского Суда (сославшись, в частности, на Постановление Европейского Суда по делу «Домбо Бехер Б.В.» против Нидерландов» (*Dombo Beheer B.V. v. Netherlands*) от 27 октября 1993 г., § 32, Series A, № 274) и нашла, что использование письменной процедуры допустимо при соблюдении принципа равенства сторон. Комиссия отметила, что первая заявительница имела возможность представить письменные объяснения наравне с отцом Марко, и, таким образом, Регламент или Конвенция ООН не были нарушены.

44. Наконец, Латвия критиковала решение от 21 апреля 2008 г. и связанное с ним свидетельство о возвращении по причине игнорирования мотивов отказа латвийских властей от принятия реше-

ния о возвращении Марко в Италию. Комиссия указала, что в ее задачу не входит анализ существа решений итальянских властей – она ограничена оценкой соответствия процедуры принятия таких решений процессуальным требованиям Регламента. Регламент не запрещал итальянским властям прийти к противоположным выводам по отношению к тем, которые сделали латвийские власти. Напротив, комиссия считала, что Регламент придает стране проживания ребенка до похищения решающее значение при принятии решения о возвращении, даже если его новая страна проживания отказывается в возвращении. В этом отношении комиссия отметила, что Рижский региональный суд, принимая решение от 24 мая 2007 г. (см. выше § 23 настоящего Постановления), сослался на Гражданский процессуальный закон Латвии, статья 644¹⁹ (6) (2) которого допускает отказ в возвращении, если ребенок хорошо устроен в Латвии и его возвращение не отвечает его интересам. Комиссия поставила под сомнение предполагаемое уклонение латвийского суда от учета «гораздо более значимой» статьи 13 Гагской конвенции, которое, по ее мнению, свидетельствовало о том, что латвийские суды придали значение ситуации Марко в Латвии, а не потенциальным последствиям его возвращения в Италию. Коротко говоря, комиссия «не усмотрела данных» о том, что жизнь в Италии совместно с отцом подвергнет Марко физическому или психологическому вреду или иным образом поставит его в невыносимое положение. Кроме того, комиссия решила, что Римский суд по делам несовершеннолетних в своем решении от 21 апреля 2008 г. прямо затронул озабоченность Рижского окружного суда по поводу того, что меры, предусмотренные для защиты Марко после возвращения в Италию, являются слишком неопределенными – итальянский суд возложил на отца обязательства, которые обеспечивали сбалансированное развитие ребенка и его общение с обоими родителями.

45. В заключение комиссия признала, что решение от 21 апреля 2008 г. не содержит подробного анализа доводов первой заявительницы или отца Марко. Однако она нашла, что Регламент не требует такого анализа. Таким образом, конкретный порядок, который должен применяться в этом отношении, относится на усмотрение национальных судов. С учетом этого было установлено, что ни Латвия, ни комиссия не могут оспаривать конкретную формулировку решения итальянского суда.

II. ПРИМЕНИМОЕ МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

46. Гагская конвенция, ратифицированная Латвией и Италией, в соответствующих частях предусматривает следующее.

«Статья 3

Перемещение или удержание ребенка рассматриваются как незаконные, если:

- а) они осуществляются с нарушением прав опеки, которыми были наделены какое-либо лицо, учреждение или иная организация, совместно или индивидуально, в соответствии с законодательством государства, в котором ребенок постоянно проживал до его перемещения или удержания; и
- б) во время перемещения или удержания эти права эффективно осуществлялись, совместно или индивидуально, или осуществлялись бы, если бы не произошло перемещение или удержание.

Права опеки, упомянутые в пункте а), могут возникнуть, в частности, в соответствии с законом либо на основании судебного или административного решения, либо на основании соглашения, влекущего юридические последствия по законодательству этого государства».

«Статья 4

Конвенция применяется к любому ребенку, постоянно проживавшему в каком-либо Договаривающемся государстве непосредственно перед нарушением прав опеки или доступа. Применение Конвенции прекращается, когда ребенок достигает возраста 16 лет».

«Статья 6

Договаривающееся государство назначает Центральный орган для выполнения обязанностей, которые налагаются на такие органы Конвенцией. [...]».

«Статья 7

Центральные органы сотрудничают друг с другом и содействуют сотрудничеству между компетентными органами в своих государствах для обеспечения скорейшего возвращения детей и для достижения других целей настоящей Конвенции.

В частности, они непосредственно или через посредника принимают все необходимые меры для того, чтобы:

[...]

- г) инициировать или способствовать возбуждению судебных или административных процедур для того, чтобы добиться возвращения ребенка, и при необходимости проводить мероприятия по организации или обеспечению эффективного осуществления прав доступа;

[...]».

«Статья 11

Судебные или административные органы Договаривающихся государств должны принимать безотлагательные меры для возвращения детей.

Если соответствующий судебный или административный орган не вынес решения в течение шести недель со дня начала процедур, заявитель

или Центральный орган запрашиваемого государства по собственной инициативе либо по просьбе Центрального органа запрашивающего государства имеет право потребовать объяснений о причинах задержки. Если ответ получен Центральным органом запрашиваемого государства, этот орган направляет ответ Центральному органу запрашивающего государства или заявителю, в зависимости от обстоятельств».

«Статья 12

Если ребенок незаконно перемещен или удерживается в соответствии со статьей 3, и на момент начала процедур в судебном или административном органе Договаривающегося государства, в котором находится ребенок, со дня незаконного перемещения или удержания ребенка прошло менее одного года, этот орган обязан предписать немедленно возвратить ребенка.

Даже в том случае, если процедуры начались по истечении срока в один год, указанного в предыдущем абзаце, судебный или административный орган также обязан предписать возвратить ребенка, если только не будет доказано, что ребенок адаптировался в новой среде.

Если судебный или административный орган запрашиваемого государства имеет основания полагать, что ребенок перемещен в другое государство, этот орган может приостановить процедуры или отклонить заявление о возвращении ребенка».

«Статья 13

Несмотря на положения предыдущей статьи, судебный или административный орган запрашиваемого государства не обязан предписывать возвращение ребенка, если лицо, учреждение или иная организация, выступающие против его возвращения, докажут, что:

- а) лицо, учреждение или иная организация, осуществившие заботу о ребенке, фактически не осуществляли свои права опеки на момент перемещения или удержания ребенка или дали согласие на его перемещение или удержание или впоследствии не выразили возражений против таковых; или
- б) имеется очень серьезный риск того, что возвращение ребенка создаст угрозу причинения ему физического или психологического вреда или иным образом поставит его в невыносимые условия.

Судебный или административный орган может также отказать в возвращении ребенка, если он придет к заключению, что ребенок возражает против возвращения и уже достиг такого возраста и степени зрелости, при которых следует принять во внимание его мнение.

При рассмотрении обстоятельств, указанных в настоящей статье, судебные и административные органы принимают во внимание информацию, относящуюся к социальному положению ребенка, предоставленную Центральным органом или другим компетентным органом государства постоянно проживающего ребенка».

«Статья 20

В возвращении ребенка в соответствии с положениями статьи 12 может быть отказано, если это противоречит основополагающим принципам запрашиваемого государства, касающимся защиты прав человека и основных свобод».

47. Пункт 17 преамбулы к Регламенту указывает пределы его действия, насколько это относительно настоящего делу, следующим образом:

«В случае незаконного перемещения или удержания ребенка должно быть обеспечено безотлагательное возвращение ребенка, и в этих целях Гаагская конвенция от 25 октября 1980 г. продолжает применяться совместно с положениями настоящего Регламента, в частности, статьей 11. Суды государства-участника, в которое ребенок был незаконно перемещен или удерживается в нем, имеют возможность воспрепятствовать его возвращению в определенных, надлежащим образом оправданных случаях. Однако такое решение может быть заменено последующим решением суда государства-участника, в котором ребенок проживал до незаконного перемещения или удержания ребенка. Если такое решение предусматривает возвращение ребенка, возвращение осуществляется в отсутствие особой процедуры, требуемой для признания и исполнения этого решения в государстве-участнике, в которое ребенок был незаконно перемещен или удерживается в нем».

48. Что касается юрисдикции дел о похищении детей, Регламент в соответствующей части статьи 10 предусматривает следующее:

«В случае незаконного перемещения или удержания ребенка суды государства-члена, в котором ребенок постоянно проживал непосредственно перед незаконным перемещением или удержанием, сохраняют свою юрисдикцию до тех пор, пока ребенок не приобретет постоянное место жительства в ином государстве-члене и: ...

(b) ребенок проживал в ином государстве-члене в течение периода не менее одного года после того, как лицо, организация или иной субъект, обладающий правом на совместное проживание с ребенком и его воспитание, узнал или должен был узнать о местонахождении ребенка, и ребенок был поселен в новом месте, при условии выполнения хотя бы одного из следующих условий¹:

(i) в течение одного года после того, как обладатель права на совместное проживание с ребенком и его воспитание узнал или должен был узнать о место-

¹ В оригинале Постановления выпущен пункт «а», предусматривающий буквально: «каждое лицо, организация или иной субъект, обладающий правом на совместное проживание с ребенком и его воспитание, не согласится с его перемещением или удержанием». Таким образом, норму статьи 10 Регламента, по-видимому, следует понимать как сохраняющую юрисдикцию судов государства, в котором ребенок проживал до перемещения, в том числе до истечения не менее чем годичного срока после получения сведений о его местонахождении (*прим. переводчика*).

нахождении ребенка, в компетентный орган власти государства-члена, куда ребенок был вывезен или где он удерживается, не была подана просьба о возвращении ребенка...

(iv) решение о совместном проживании с ребенком, не являющееся основанием для возвращения ребенка, было принято судом государства-члена, в котором ребенок постоянно проживал непосредственно перед незаконным перемещением или удержанием».

49. Статья 11, особо упомянутая в преамбуле, предусматривает следующее:

«1. Когда лицо, организация или иной субъект, обладающий правом на совместное проживание с ребенком и его воспитание, обращаются в уполномоченный орган власти государства-члена с просьбой о вынесении решения на основании Гаагской конвенции [...], с тем чтобы добиться возвращения ребенка, который был незаконно перемещен или удерживается в государстве – члене ЕС, не являющемся государством – членом ЕС, где ребенок постоянно проживал непосредственно перед незаконным перемещением или удержанием, следует применять параграфы 2–8.

2. При применении статей 12 и 13 Гаагской конвенции 1980 года необходимо обеспечить возможность заслушивания мнения ребенка в судебном разбирательстве, если это является целесообразным с учетом его возраста и степени зрелости.

3. Суд, в который подано заявление о возвращении ребенка, оформленное в соответствии с параграфом 1, должен незамедлительно возбудить производство по заявлению, используя наиболее быстрые процедуры рассмотрения дела, предусмотренные национальным законодательством.

Без ущерба действию положений параграфа 1 суд должен принять решение не позднее 6 недель после подачи заявления, за исключением случаев, когда особые обстоятельства препятствуют этому.

4. Суд не вправе отказать в возвращении ребенка на основании статьи 13(b) Гаагской конвенции 1980 года, если установлено, что были приняты надлежащие меры по обеспечению безопасности ребенка после его или ее возвращения.

5. Суд не вправе отказать в возвращении ребенка, если лицу, подавшему заявление о возвращении ребенка, не была предоставлена возможность высказать свое мнение.

Без ущерба для действия установленных настоящим Регламентом правил о юрисдикции суд должен прекратить производство по делу, если в установленный период времени никакие доводы сторон в суд не поступили.

[...]

7. Если в судах государства-члена, где ребенок постоянно проживал непосредственно перед незаконным перемещением или удержанием, дело не

рассматривалось ранее по инициативе одной из сторон, суд или орган государственной власти, получивший [копию решения о невозвращении в соответствии со статьей 13 Гаагской конвенции и документов, относящихся к этому решению], должен сообщить ее сторонам и привлечь их для приведения их аргументов в суде в соответствии с национальным законодательством, в течение трех месяцев с даты уведомления, чтобы суд мог разрешить вопрос о совместном проживании и воспитании ребенка.

8. Несмотря на принятое судом на основании статьи 13 Гаагской конвенции 1980 г. решение о невозвращении ребенка, любое последующее решение о возвращении, которое вынесено судом, обладающим юрисдикцией в соответствии с настоящим Регламентом, в целях обеспечения возвращения ребенка подлежит исполнению на основании раздела 4 главы III. [...]».

50. Согласно статье 40 (1) (b) Регламента его раздел 4 применяется к «правоотношениям, возникшим на основании судебного решения о принудительном возвращении ребенка, вынесенного в соответствии со статьей 11(8)».

51. Статья 42 раздела 4 предусматривает следующее:

«1. Возвращение ребенка в соответствии со статьей 40(1)(b), обусловленное подлежащим исполнению судебным решением, вынесенным в государстве – члене ЕС, должно признаваться и осуществляться в ином государстве – члене ЕС без необходимости вынесения дополнительного судебного акта о приведении решения в исполнение; основания для отказа в признании такого решения не предусмотрены. Указанное относится к решениям, в соответствии с которыми в государстве – члене ЕС, на территории которого решение было вынесено, были выданы соответствующие свидетельства согласно параграфу 2.

Даже если национальное право не предусматривает возможности приведения в исполнение в силу действия права судебных решений о возвращении ребенка, упомянутых в статье 11(b)(8), несмотря на подачу жалобы на решение, суд, вынесший решение, вправе привести решение в исполнение.

2. Судья, вынесший решение, указанное в статье 40(1)(b), обязан выдать свидетельство, указанное в параграфе 1, только если:

(a) ребенку была предоставлена возможность высказать свое мнение, если судом эта мера была рассмотрена как целесообразная ввиду возраста ребенка и степени зрелости;

(b) всем заинтересованным сторонам была предоставлена возможность высказать свое мнение;

и

(c) суд при вынесении решения принимал во внимание обстоятельства и доказательства, послужившие основанием для вынесения судебного акта в

соответствии со статьей 13 Гагской конвенции 1980 года [...]».

52. Что касается исполнения решений о возвращении ребенка, статья 47 Регламента предусматривает следующее:

«1. Приведение решения в исполнение регулируется законодательством государства – члена ЕС, на территории которого решение подлежит исполнению.

2. Любое решение, вынесенное судом иного государства – члена ЕС и... на основании которого выдано свидетельство в соответствии со статьей [...] 42(1), должно быть приведено в исполнение в государстве – члене ЕС, на территории которого решение подлежит исполнению, таким же образом, как если бы оно было вынесено на территории этого государства – члена ЕС.

В частности, решение, на основании которого выдано свидетельство в соответствии со статьей [...] 42(1), не может быть приведено в исполнение, если оно противоречит вынесенному в дальнейшем и подлежащему исполнению решению».

53. Наконец, статьи 60 и 62 Регламента предусматривают, что Регламент «имеет приоритет» перед Гагской конвенцией «по вопросам, [отнесенным] к сфере действия настоящего Регламента» и что Гагская конвенция сохраняет юридическую силу и продолжает «регулировать отношения между государствами – сторонами Конвенции».

ПРАВО

1. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 8 КОНВЕНЦИИ

54. Заявители жаловались в соответствии со статьей 8 Конвенции на то, что решения итальянских судов о возвращении Марко в Италию противоречили его наилучшим интересам, а также нарушали международное право и латвийское законодательство.

55. Заявители также жаловались в соответствии со статьей 6 Конвенции на процессуальную несправедливость процесса принятия решений в итальянских судах. В частности, они критиковали тот факт, что первая заявительница не присутствовала на слушании в Римском суде по делам несовершеннолетних.

56. Жалоба заявителей относительно процедуры, применявшейся итальянскими судами, была коммуницирована властям Италии в соответствии со статьей 8 Конвенции, которая, хотя и не содержит прямых процессуальных норм, подразумевает¹, что процесс принятия решений, влекущий принятие мер вмешательства, должен быть спра-

ведливым и обеспечивающим надлежащее соблюдение интересов, гарантированных этой статьей (см., *inter alia*, Постановление Европейского Суда по делу «Йосуб Карас против Румынии» (Iosub Caras v. Romania) от 27 июля 2006 г., жалоба № 7198/04, § 41, и Постановление Европейского Суда по делу «Моретти и Бенедетти против Италии» (Moretti and Benedetti v. Italy), жалоба № 16318/07, § 27, *ECHR* 2010-... (извлечения)).

57. В соответствующей части статья 8 Конвенции предусматривает следующее:

«1. Каждый имеет право на уважение его... семейной жизни...

2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц».

А. ПРИЕМЛЕМОСТЬ ЖАЛОБЫ

1. Совместимость с положениями Конвенции *ratione personae*²

58. Власти Италии утверждали, что жалоба, насколько она касается второго заявителя, несовместима с положениями Конвенции *ratione personae* по смыслу подпункта «а» пункта 3 и пункта 4 статьи 35 Конвенции. В этом отношении власти Италии утверждали, что настоящее дело в значительной степени затрагивает конфликт между двумя родителями второго заявителя, и поскольку оба родителя в принципе имеют право на уважение семейной жизни совместно с их сыном, обеспечение возможности только одному из родителей (в настоящем деле матери) представлять интересы ребенка в Европейском Суде нарушало бы это родительское равенство. Власти Италии также ссылались на Постановление Европейского Суда по делу «Моретти и Бенедетти против Италии» (упоминавшееся выше, § 32) и на Решение Комиссии по правам человека по делу «S.D., D.P. и A.T. против Соединенного Королевства» (S.D., D.P. and A.T. v. United Kingdom) от 20 мая 1996 г. (жалоба № 23715/94, не опубликовано) и указывали на возможность существования конфликта интересов, в частности, полагая, что 5 июня 2006 г. Римский суд по делам несовершеннолетних пере-

¹ В тексте оригинала «требует» (*прим. переводчика*).

² *Ratione personae* (лат.) – «ввиду обстоятельств, относящихся к лицу, о котором идет речь», критерий, применяемый при оценке приемлемости жалобы Европейским Судом (*прим. переводчика*).

дал отцу Марко временное единоличное попечение (см. § 15 настоящего Постановления).

59. Заявители утверждали, что суть дела заключается в интересах ребенка, второго заявителя, а не в интересах его отца. С учетом приоритетного значения интересов ребенка он не мог не быть привлечен в качестве стороны по делу, рассматриваемому в Европейском Суде.

60. Власти Латвии не согласились с возражением властей Италии. Они ссылались на указание Европейского Суда в деле «Йосуб Карас против Румынии» (упоминавшемся выше, § 21) о том, что:

«несовершеннолетние могут обращаться в Европейский Суд даже или особенно, если они представлены родителем, который находится в состоянии конфликта с властями и критикует их решения и поведение как несовместимые с правами, гарантированными Конвенцией. В таких случаях статус биологического родителя является достаточным, чтобы предоставить ему необходимые полномочия для обращения в Европейский Суд также от имени ребенка, с целью защиты интересов ребенка».

Они также указали, что, поскольку разбирательство в Италии затрагивало решение о разлучении первой и второго заявителей, очевидно, что оспаривались решения, несовместимые со статьей 8 Конвенции (они ссылались на Постановление Большой Палаты по делу «Нойлингер и Шурук против Швейцарии» (*Neulinger and Shuruk v. Switzerland*), жалоба № 41615/07, § 90, *ECHR* 2010-..., и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Йосуб Карас против Румынии», § 29).

61. Европейский Суд, прежде всего, отмечает, что оба дела, упомянутые властями Италии, касались представления интересов ребенка не их биологическим родителем, а лицами, не связанными с данными детьми. Однако даже при таких обстоятельствах Комиссия и Европейский Суд дали осторожное указание о том, что следует избегать ограничительного или технического подхода в сфере представления интересов детей в Европейском Суде. Европейский Суд не может не согласиться с властями Латвии в том, что факты в настоящем деле больше напоминают факты упоминавшихся выше дел «Йосуб Карас против Румынии» и «Нойлингер и Шурук против Швейцарии». Европейский Суд не видит оснований для отхода от мотивировок, использованных в этих делах. Таким образом, довод властей Италии о несовместимости *ratione personae* подлежит отклонению.

2. Исчерпание внутренних средств правовой защиты

62. Власти Италии отметили, что, когда заявители впервые обратились в Европейский Суд, жало-

ба первой заявительницы на решение Римского суда по делам несовершеннолетних от 21 апреля 2008 г. еще рассматривалась. Она была разрешена только 28 сентября 2009 г. Таким образом, жалоба должна быть признана неприемлемой в связи с неисчерпанием внутренних средств правовой защиты в соответствии с пунктами 1 и 4 статьи 35 Конвенции.

63. Заявители утверждали, что имели право подать жалобу в Европейский Суд, не ожидая окончательного разрешения дела итальянскими судами, с момента, когда первая заявительница узнала о том, что Италия официально предложила латвийским властям обеспечить возвращение Марко в Италию, поскольку такой запрос имел самоисполнимый характер и не требовал дополнительной проверки латвийскими властями.

64. Власти Латвии согласились с заявителями в том, что после выдачи необжалуемого свидетельства о возвращении в соответствии со статьей 42 (1) Регламента заявители не были обязаны ожидать окончания рассмотрения дела итальянскими судами до обращения в Европейский Суд.

65. В ответ на доводы заявителей и властей Латвии власти Италии подчеркнули, что нельзя смешивать понятия «подлежащего исполнению решения» в значении статьи 42 Регламента и «окончательного решения» в значении пункта 1 статьи 35 Конвенции. Власти Италии, в частности, подчеркивали, что Регламент особо указывает, что свидетельство о возвращении может быть выдано на основании решения, которое еще не вступило в силу.

66. Европейский Суд отмечает, что сторонами не оспаривается, что рассмотрение дела в итальянских судах в настоящее время окончено. Иными словами, итальянское государство имело возможность воспрепятствовать предполагаемому нарушению, допущенному им, или предоставить возмещение в связи с ним (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Сельмуни против Франции» (*Selmouni v. France*), жалоба № 25803/94, § 74, *ECHR* 1999-V). Европейский Суд ранее указывал, что в принципе заявители обязаны принять настойчивые меры для исчерпания внутренних средств правовой защиты до обращения в Европейский Суд. Однако считается допустимым, если финальная стадия исчерпания внутренних средств правовой защиты имеет место после подачи жалобы в Европейский Суд, но до того, как он примет решение о приемлемости жалобы (см., например, Решение Европейского Суда по делу «Якуп Кёсев против Турции» (*Yakup Kösev. Turkey*) от 2 мая 2006 г., жалоба № 50177/99). Таким образом, Европейский Суд отклоняет возражение государства-ответчика о неисчерпании внутренних средств правовой защиты.

3. Соблюдение правила шестимесячного срока

67. В качестве альтернативы государство-ответчик подчеркивало, что, если Европейский Суд признает решение Римского суда по делам несовершеннолетних от 21 апреля 2008 г. окончательным, жалоба должна быть признана неприемлемой в соответствии с пунктами 1 и 4 статьи 35 Конвенции в связи с несоблюдением правила шестимесячного срока.

68. Заявители подчеркнули, что только 10 сентября 2008 г. первая заявительница узнала о выдаче свидетельства о возвращении (см. выше § 34 настоящего Постановления), что и является датой, которая должна быть принята во внимание при исчислении шестимесячного срока в значении пункта 1 статьи 35 Конвенции.

69. В ответ на довод заявителей власти государства-ответчика указали, что заявители не могли утверждать, что узнали о решении от 21 апреля 2008 г. после сообщения им о выдаче свидетельства о возвращении, поскольку их адвокат в Италии активно оспаривал решение от 21 апреля 2008 г. Так как представитель заявительницы в Италии подал жалобу на вышеупомянутое решение 20 июня 2008 г., именно эта дата должна рассматриваться как момент начала течения шестимесячного срока для обращения в Европейский Суд.

70. Власти Латвии подчеркнули, что мерой, прямо затрагивавшей семейную жизнь заявителей, являлось свидетельство о возвращении, которое заявители получили 10 сентября 2008 г. Таким образом, срок для подачи жалобы в Европейский Суд начал течь в эту дату. В качестве альтернативы власти Латвии указывали, что, поскольку заявители жаловались на «последовательную политику, принятую итальянскими властями при разбирательстве их дела», их жалоба по сути затрагивала длящуюся ситуацию.

71. Европейский Суд отмечает, что власти государства-ответчика правильно указали, что в момент подачи жалобы заявителей в Европейский Суд (9 марта 2009 г.) разбирательство в итальянских судах еще продолжалось и окончилось только 21 апреля 2009 г. (см. выше, § 37 настоящего Постановления). Таким образом, Европейский Суд отклоняет довод властей Италии относительно предполагаемого несоблюдения правила шестимесячного срока.

4. Заключение

72. Европейский Суд отклоняет доводы государства-ответчика относительно предполагаемой несовместимости *ratione personae*, исчерпания внутренних средств правовой защиты и

несоблюдения правила шестимесячного срока. Европейский Суд также полагает, что с учетом доводов сторон жалоба затрагивает серьезные вопросы факта и права, относящиеся к сфере действия Конвенции, разрешение которых требует рассмотрения по существу. Таким образом, Европейский Суд заключает, что настоящая жалоба не является явно необоснованной в значении пункта 3 статьи 35 Конвенции. Он также отмечает, что жалоба не является неприемлемой по каким-либо другим основаниям. Следовательно, жалоба на вмешательство итальянских властей в их право на уважение семейной жизни и на процессуальную несправедливость процесса принятия решений в итальянских судах должна быть объявлена приемлемой.

В. СУЩЕСТВО ЖАЛОБЫ

1. Доводы сторон

(а) Заявители

73. Заявители подчеркнули наличие весьма тесных эмоциональных связей между ними. Отец Марко не имел никакой эмоциональной связи с ребенком, поскольку они виделись очень редко, даже когда заявители еще проживали в Италии. Кроме того, Марко и его отец не имели общего языка. Как утверждали заявители, первая заявительница неоднократно предлагала отцу Марко посетить своего сына в Риге. Он не реагировал на эти приглашения, однако итальянские суды не приняли во внимание этот факт, как и многие другие. При таких обстоятельствах заявители подчеркнули, что, если бы Марко был разлучен с матерью, это угрожало бы его развитию и психическому здоровью. В этой связи заявители указывали, что Марко получал систематическую помощь психолога, чтобы преодолеть стресс, беспокойство и страх, вызванные перспективой его разлучения с матерью и выезда в Италию.

74. Заявители также утверждали, что, когда итальянские суды принимали решения, диаметрально противоположные принятым латвийскими судами, они не учитывали принцип взаимного доверия между судами. Предположительно неадекватно мотивированные решения, принятые итальянскими судами, также не учитывали имеющиеся сведения об условиях проживания Марко в Латвии.

75. Как отмечали заявители, меры по организации посещений первой заявительницей своего сына, предусмотренные итальянскими судами, были явно неадекватными, в частности, с учетом того факта, что она не имела финансовых средств

для проживания в Италии, где она не могла устроиться на работу из-за незнания итальянского языка. Кроме того, «меры безопасности», предложенные итальянскими властями и принятые итальянскими судами, не гарантировали физической и психологической безопасности ребенка и находились в прямом противоречии с заключениями психолога, принятыми латвийскими судами. Заявители также подчеркивали, что итальянские суды не рассмотрели вопрос о предполагаемом проживании ребенка в Италии или не учли его. Согласно сведениям, имеющимся у заявителей, в здании, расположенном по адресу, указанному итальянскими судами, размещались служебные помещения. Наконец, заявители критиковали уклонение итальянских судов от запроса и учета информации относительно дохода и имущества отца Марко с целью установления того, способен ли он содержать ребенка.

(b) Государство-ответчик

76. Власти Италии утверждали, что отсутствовало вмешательство в права первой заявительницы, предусмотренные статьей 8 Конвенции, поскольку она допустила вмешательство в право отца Марко на уважение его семейной жизни (в этом отношении приводилась ссылка на Постановление Европейского Суда по делу «Гнаоре против Франции» (*Gnahoré v. France*), жалоба № 40031/98, § 59, *ECHR* 2000-IX), и, таким образом, нельзя утверждать, что вмешательство возникло вследствие решений итальянских властей, предпринявших законную, но пока безуспешную попытку восстановить ранее существовавшую ситуацию, что полностью соответствовало закону. Иными словами, родитель, чьи действия противоречили закону (государство-ответчик отметило, что сторонами не оспаривалась неправомерность вывоза Марко из Италии), не мог извлекать выгоду из этих действий. В любом случае итальянские власти предусматривали возможность свиданий заявителей после возвращения Марко в Италию. Государство-ответчик также указало, что даже если какое-либо вмешательство в права заявителей имело место, оно соответствовало закону, а именно статье 11 Регламента, и было необходимым для устранения последствий незаконного вывоза Марко из Италии. Иными словами, цель вмешательства заключалась в защите прав и свобод ребенка.

77. Что касается вопроса о том, было ли решение о возвращении Марко «необходимым в демократическом обществе», государство-ответчик утверждало, что итальянские власти надлежащим образом приняли во внимание и учли наилуч-

шие интересы ребенка. Власти Италии полагали, что довод заявителей о том, что Марко и его отец не могут общаться из-за языкового барьера, не является значимым в отношении восьмилетнего ребенка, который провел большую часть жизни в Италии, где у него не должно быть особых сложностей, в частности, ввиду того, что Латвия и Италия являются государствами – участниками Европейского союза. В обоснование довода о том, что предполагаемое вмешательство в право заявителей на уважение семейной жизни было «необходимым», государство-ответчик вновь ссылалось на гарантии, представленные итальянскими властями (см. выше § 28 настоящего Постановления). Наконец, они полагали, что конкретные меры, которые будут приняты в отношении Марко, относятся к пределам усмотрения Италии.

78. Государство-ответчик также ссылалось на предмет и цель Гагской конвенции в значении пункта 1 статьи 31 Венской конвенции о праве международных договоров, которые согласно Постановлению Европейского Суда по делу «Мамуссо и Вашингтон против Франции» (*Maumousseau and Washington v. France*) (жалоба № 39388/05, § 69, *ECHR* 2007-XIII) заключались в пресечении международных похищений детей. Эта цель могла быть достигнута избеганием консолидации ситуаций *de facto*, вызванных незаконным перемещением детей. Для этой цели необходимо было восстановить *status quo ante* как можно быстрее. Что касается применимости в настоящем деле исключения из общей обязанности возвращения незаконно вывезенного ребенка, предусмотренного в статье 13 (b) Гагской конвенции, государство-ответчик проанализировало три возможных оправдания для невозвращения: во-первых, довод о том, что Марко устроен в Латвии и адаптировался к жизни в ней и что его наилучшие интересы требуют продолжения его проживания с матерью; во-вторых, утверждение о том, что отец не имел контактов с ребенком; и, в-третьих, что вследствие длительности итальянских процедур возвращение Марко в Италию и восстановление *status quo ante* более не были возможными.

79. Относительно вопроса о проживании Марко с его матерью государство-ответчик подчеркнуло отказ первой заявительницы от исполнения решений итальянских судов. Что касается желания отца Марко заботиться о своем сыне, государство-ответчик подчеркнуло, что, если не считать мимолетных споров относительно выплат на содержание ребенка, отец всегда проявлял склонность к стабильной семейной жизни со своим сыном в Италии. Власти Италии также указывали, что отец не являлся алкоголиком, наркоманом или не был

неспособным воспитывать ребенка по другим причинам. Наконец, что касается длительности разбирательства, государство-ответчик подчеркнуло, что итальянские суды рассмотрели дело в течение всего 10 месяцев; таким образом, итальянские власти не могут нести ответственности за длительность срока, проведенного Марко в разлуке с его отцом.

80. Что касается процессуальной несправедливости процесса принятия решений в итальянских судах, государство-ответчик полностью поддержало выводы Европейской комиссии (см. выше, §§ 39–45 настоящего Постановления). Конкретно, они подчеркивали, что разбирательство в итальянских судах было справедливым, и обе стороны имели возможности давать свои объяснения этим судам, хотя бы и в письменной форме. Кроме того, первая заявительница была представлена адвокатом.

81. Государство-ответчик считало необходимым отличать факты недавнего Постановления Большой Палаты по делу «Нойлингер и Шурук против Швейцарии» (упоминавшегося выше, § 139) от фактов настоящего дела, поскольку первое касалось мотивации отказа в возвращении ребенка в страну происхождения, тогда как настоящее дело затрагивало разбирательство в стране происхождения, и его цель не заключалась в оправдании действий латвийских властей.

(с) Власти третьей стороны

82. Власти Латвии ссылались на дело «Нойлингер и Шурук против Швейцарии» и критиковали уклонение итальянских властей от проведения тщательного исследования всей семейной ситуации заявителей и отца Марко. Утверждалось, что итальянские суды не учли тот факт, что первая заявительница всегда являлась основным лицом, осуществлявшим уход за Марко. Отец Марко имел только случайные контакты со своим сыном, даже когда заявители еще проживали в Италии. Кроме того, отец Марко не делал попыток контакта со своим сыном в течение более чем четырех лет проживания заявителей в Латвии. Кроме того, подчеркивалось, что Марко проживал в Латвии намного дольше, чем он проживал в Италии. Наконец, итальянские суды не оценили способность отца Марко воспитывать ребенка самостоятельно и не рассмотрели альтернативные способы обеспечения их взаимного контакта (в этом отношении власти Латвии ссылались на Постановление Европейского Суда по делу «Дяк против Румынии и Соединенного Королевства» (Deak v. Romania and United Kingdom) от 3 июня 2008 г., жалоба № 19055/05, § 69).

83. Что касается процессуальной несправедливости процесса принятия решений в итальянских судах, власти Латвии указали, что было бы неверно ссылаться на статьи 23 (b) и 42 (2) (a) Регламента в изоляции, поскольку эти положения должны толковаться во взаимосвязи с применимыми нормами международного права, а именно Конвенцией ООН и статьей 8 Конвенции. Это контекстуальное толкование явно влечет вывод о том, что процессуальные права заявителей не были учтены итальянскими судами.

2. Мнение Европейского Суда

84. Европейский Суд отдельно рассмотрит жалобу заявительницы на решение о возвращении Марко и жалобу на то, что первая заявительница не присутствовала на слушании Римского суда по делам несовершеннолетних 21 апреля 2008 г.

(a) Общие принципы

85. В Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Нойлингер и Шурук против Швейцарии» (упоминавшемуся выше, §§ 131–140, с дополнительными отсылками) Европейский Суд выработал и сформулировал ряд принципов, которые вытекают из его прецедентной практики по вопросу о международном похищении детей, следующим образом.

(i) Конвенция не может толковаться в вакууме, но в соответствии с подпунктом «с» пункта 3 статьи 31 Венской конвенции о праве международных договоров (1969 года) должны учитываться любые соответствующие нормы международного права, применяемые в отношениях между участниками (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Штрелец, Кеслер и Кренц против Германии» (Streletz, Kessler and Krenz v. Germany), жалобы №№ 34044/96, 35532/97 и 44801/98, § 90, ECHR 2001-II).

(ii) Позитивные обязательства, которые статья 8 Конвенции возлагает на государства в отношении воссоединения родителей с их детьми, должны, таким образом, толковаться с учетом Конвенции ООН и Гаагской конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Мер против Португалии» (Maire v. Portugal), жалоба № 48206/99, § 72, ECHR 2003-VII, и Постановление Европейского Суда по делу «Игнакколо-Зениде против Румынии» (Ignaccolo-Zenide v. Romania), жалоба № 31679/96, § 95, ECHR 2000-I).

(iii) Европейский Суд вправе проверять процедуру, применяемую национальными судами, в частности, удостовериться в том, что эти суды, применяя и толкуя положения Гаагской конвенции, соблюдают гарантии Конвенции и особенно

ее статьи 8 (см. в этом отношении Постановление Европейского Суда по делу «Бьянки против Швейцарии» (*Bianchi v. Switzerland*) от 22 июня 2006 г., жалоба № 7548/04, § 92, и Постановление Европейского Суда по делу «Карлсон против Швейцарии» (*Carlson v. Switzerland*) от 6 ноября 2008 г., жалоба № 49492/06, § 73).

(iv) В этой сфере главный вопрос заключается в том, установлено ли справедливое равновесие между затронутыми конкурирующими интересами – ребенка, двух родителей и публичного порядка – в пределах усмотрения, которыми пользуются государства в таких вопросах (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Мамуссо и Вашингтон против Франции», § 62), однако с учетом того, что наилучшие интересы ребенка должны быть приоритетным соображением (см. по данному вопросу упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Гнаоре против Франции», § 59).

(v) «Интересами ребенка», прежде всего, считаются следующие два: сохранение связей с семьей, если не установлено, что эти связи являются нежелательными, и возможность развития в здоровой среде (см. в числе многих примеров Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Эльсхольц против Германии» (*Elsholz v. Germany*), жалоба № 25735/94, § 50, *ECHR* 2000-VIII, и Постановление Европейского Суда по делу «Маршалец против Чешской Республики» (*Maršálek v. Czech Republic*) от 4 апреля 2006 г., жалоба № 8153/04, § 71). Наилучшие интересы ребенка с точки зрения перспективы личного развития зависят от множества индивидуальных обстоятельств, в частности, его возраста и уровня зрелости, присутствия или отсутствия его родителей, окружающей среды и впечатлений.

(vi) Решение о возвращении ребенка не может приниматься автоматически или механически с применением Гаагской конвенции, как о том свидетельствует наличие в этом акте ряда исключений из обязанности возвращения ребенка (см., в частности, статьи 12, 13 и 20), основанных на соображениях относительно действительной личности ребенка и его среды, что показывает необходимость применения судом, рассматривающим дело, *in concreto*¹ подхода к нему (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Мамуссо и Вашингтон против Франции», § 72).

(vii) Таким образом, задача оценки наилучших интересов в каждом индивидуальном деле возлагается на национальные органы, которые часто

пользуются преимуществом прямых контактов с заинтересованными лицами. Для этого они имеют некие пределы усмотрения, которые, однако, подлежат европейскому контролю, в рамках которого Европейский Суд проверяет в соответствии с Конвенцией решения, принимаемые этими органами при осуществлении этих полномочий (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Хокканен против Финляндии» (*Hokkanen v. Finland*) от 23 сентября 1994 г., § 55, Series A, № 299-A, и Постановление Европейского Суда по делу «Куцнер против Германии» (*Kutzner v. Germany*), жалоба № 46544/99, §§ 65–66, *ECHR* 2002-I, см. также Решение Европейского Суда по делу «Тиман против Франции и Германии» (*Tiemann v. France and Germany*), жалобы №№ 47457/99 и 47458/99, *ECHR* 2000-IV, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Бьянки против Швейцарии», § 92, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Карлсон против Швейцарии», § 69).

(vii) Кроме того, Европейский Суд должен убеждаться в том, что процесс принятия решений, повлекший принятие оспариваемых мер национальным судом, был справедливым и позволял заинтересованным лицам представить свою позицию в полном объеме (см. упоминавшееся выше Решение Европейского Суда по делу «Тиман против Франции и Германии», и Решение Европейского Суда по делу «Эскинази и Шелуш против Турции» (*Eskinazi and Chelouche v. Turkey*), жалоба № 14600/05, *ECHR* 2005-XIII (извлечения)). При этом Европейский Суд должен удостовериться в том, провели ли национальные суды тщательное исследование всей семейной ситуации и целого ряда факторов, в частности, фактического, эмоционального, психологического, материального и медицинского характера, и произвели ли сбалансированную и разумную оценку соответствующих интересов каждого лица, с постоянным стремлением к определению наилучшего решения для похищенного ребенка в контексте требования о его возвращении в страну происхождения (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Мамуссо и Вашингтон против Франции», § 74).

86. Европейский Суд применит эти принципы к конкретным доводам, выдвинутым заявителям.

(b) *Решение о возвращении второго заявителя в Италию*

87. Европейский Суд напоминает, что решение о возвращении второго заявителя к его отцу в Италии было принято Римским судом по делам несовершеннолетних 21 апреля 2008 г. (см. выше,

¹ По-видимому, в смысле «неабстрактного», учитывающего конкретные обстоятельства (*прим. переводчика*).

§ 28 настоящего Постановления) и оставлено без изменения после рассмотрения жалобы решением Римского апелляционного суда, принятым 21 апреля 2009 г. (см. выше, § 37 настоящего Постановления). Решение о возвращении было принято на основании подпунктов 4, 7 и 8 статьи 11 Регламента. Статья 11 упоминает порядок возвращения неправомерно вывезенного ребенка. Этот порядок изложен в статьях 12 и 13 Гагской конвенции.

88. Государство-ответчик утверждало, что отсутствовало вмешательство в право заявителей на уважение их семейной жизни (см. выше § 76 настоящего Постановления). Европейский Суд ранее указывал, что вмешательство имеет место, если национальные меры препятствуют взаимному общению родителя и ребенка (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Рабан против Румынии» (*Raban v. Romania*) от 26 октября 2010 г., жалоба № 25437/08, § 31). В настоящем деле психолог, заключение которого поступило от представителя заявителей, подтвердил, что Марко страдает от психологического стресса и беспокойства в связи с потенциальным возвращением в Италию (см. выше, § 33 настоящего Постановления). Это не может не оказывать существенного влияния на осуществление семейной жизни заявителей. Кроме того, Европейский Суд не раз указывал, что решение о возвращении, даже если оно не было исполнено, само по себе составляет вмешательство в право на уважение семейной жизни (см., например, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Нойлингер и Шурук против Швейцарии», §§ 90–91, и Решение Европейского Суда по делу «Липковски и Маккормак против Германии» (*Lipkowsky and McCormack v. Germany*) от 18 января 2011 г., жалоба № 26755/10). В настоящем деле не имеется оснований для иного подхода. Соответственно, решение Римского суда по делам несовершеннолетних о возвращении Марко в Италию составляло вмешательство в право заявителей на уважение семейной жизни.

89. Обращаясь к вопросу о том, было ли обжалуемое вмешательство «предусмотрено законом» в значении пункта 2 статьи 8 Конвенции, Европейский Суд отмечает, что в настоящем деле стороны не оспаривали, что вывоз Марко первой заявительницей из Италии был незаконным в значении статьи 3 Гагской конвенции (см. для сравнения упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Нойлингер и Шурук против Швейцарии», §§ 99–105). Статья 12 Гагской конвенции требует возвращения незаконно выве-

зенных детей, кроме исключений, указанных в статье 13 этой Конвенции. При таких обстоятельствах Европейский Суд не сомневается в том, что вмешательство было назначено в соответствии с законом, а именно статьей 11 Регламента во взаимосвязи со статьей 12 Гагской конвенции.

90. Что касается вопроса о том, преследовало ли решение о возвращении Марко в Италию одну из законных целей, исчерпывающий перечень которых изложен в пункте 2 статьи 8 Конвенции, государство-ответчик выдвинуло два предположения: что вмешательство было необходимым для защиты права отца Марко на уважение семейной жизни или для защиты наилучших интересов ребенка. По сути, не оспаривалось сторонами, что решение итальянских судов о возвращении Марко в Италию преследовало законную цель защиты прав и свобод ребенка и его отца. Соответственно, Европейский Суд признает, что такая цель имела в данном деле (см. также Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Нойлингер и Шурук против Швейцарии» (*Neulinger and Shuruk v. Switzerland*), § 106).

91. Таким образом, Европейский Суд должен определить, было ли данное вмешательство «необходимым в демократическом обществе» в значении пункта 2 статьи 8 Конвенции, истолкованного с учетом вышеупомянутых международно-правовых актов, с решающим вопросом о том, было ли установлено справедливое и пропорциональное равновесие между данными конкурирующими интересами – ребенка, двух родителей и публичного порядка – в пределах усмотрения, которыми пользуются государства в таких вопросах (см. § 85 настоящего Постановления, (iv)).

92. В этом отношении Европейский Суд подчеркивает, что в его задачу не входит замена собой компетентных органов при рассмотрении вопроса о том, имела ли серьезная угроза того, что Марко подвергнется психологическому или физическому вреду в значении статьи 13 Гагской конвенции в случае его возвращения в Италию. Однако Европейский Суд вправе удостовериться в том, соблюдали ли итальянские суды при применении и толковании положений этой Конвенции и Регламента гарантии, предусмотренные статьей 8 Конвенции, особенно принимая во внимание наилучшие интересы ребенка (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Нойлингер и Шурук против Швейцарии», § 141). Также необходимо учитывать, что Гагская конвенция является в основном инструментом процессуального характера, а не правозащитным договором, защищающим лиц на объективной основе (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты

Европейского Суда по делу «Нойлингер и Шурук против Швейцарии», § 145).

93. Европейский Суд не может не отметить, что мотивировка, содержащаяся в решениях итальянских судов от 21 апреля 2008 г. (см. выше § 28 настоящего Постановления) и 21 апреля 2009 г. (см. выше § 37 настоящего Постановления), являлась довольно скудной (см. также заключение Европейской комиссии, § 45 настоящего Постановления). Даже если Европейский Суд согласился бы с мнением¹ итальянских судов о том, что их роль сведена статьей 11 (4) Регламента к оценке того, приняты ли адекватные меры для обеспечения защиты Марко после его возвращения в Италию от каких-либо установленных рисков в значении статьи 13 (b) Гаагской конвенции, он не может не отметить, что итальянские суды в своих решениях не рассмотрели какие-либо риски, выявленные латвийскими властями. Так, например, выводы, содержащиеся в заключении Рижского суда по делам опеки (см. выше, § 18 настоящего Постановления), экспертном заключении психолога (см. выше, § 19 настоящего Постановления) и решении Видземского районного суда Риги от 11 апреля 2007 г. (см. выше, § 22 настоящего Постановления), не были упомянуты ни в одном из двух решений. Следовательно, необходимо проверить, могли ли меры защиты Марко, указанные в решениях итальянских судов, считаться разумно принятыми с учетом его наилучших интересов.

94. Меры, предложенные отцом Марко и впоследствии признанные адекватными итальянскими судами двух инстанций, кратко изложены в § 28 настоящего Постановления. Соображения латвийских властей сводились к тому, что ребенок был приспособлен для проживания со своей матерью в Риге (§ 18), что его разлучение с матерью окажет отрицательное влияние на его развитие и может обусловить невротические проблемы, заболевания или то и другое (§ 19), и что между Марко и его матерью существуют прочные связи (§ 22). Кроме того, в своих объяснениях Европейскому Суду заявители указали, что первая заявительница не может сопровождать ребенка в Италию из-за отсутствия достаточных финансовых средств для проживания там и невозможности трудоустройства по причине незнания итальянского языка и что ребенок не имеет общего языка с отцом, никогда не проживал без матери и не видел отца больше трех лет к моменту отклонения Римским апелляционным судом жалобы первой заявительницы на решение от 21 апреля 2008 г. (см. также упоминавшееся выше Постановление Большой

Палаты Европейского Суда по делу «Нойлингер и Шурук против Швейцарии», § 150). Латвийские судебные органы в своих решениях также указали, что возвращение в Италию было неосуществимо для первой заявительницы по финансовым причинам (решение Видземского районного суда Риги от 11 апреля 2007 г., см. выше, § 22 настоящего Постановления), подтвердили, что отец Марко не видел своего сына с 2006 года (заключение суда по делам опеки от 8 января 2008 г., см. выше, § 24 настоящего Постановления) и не принял мер для установления контактов с Марко в этот период (решение Рижского окружного суда от 24 мая 2007 г., см. выше, § 23 настоящего Постановления).

95. Итальянские суды не ссылались на два заключения психологов, составленные в Латвии по требованию представителя заявителей и принятые во внимание латвийскими судами. Итальянские суды также не учитывали потенциальные угрозы психологическому здоровью Марко, упомянутые в этих заключениях. Если бы эти суды нашли заключения недостоверными, они, безусловно, могли бы назначить психологическую экспертизу по своему выбору. Однако это также не было сделано. Что касается места, предложенного отцом Марко для проживания ребенка после его возвращения в Италию, итальянские власти не приняли мер для установления того, годится ли оно для проживания малолетнего ребенка. Дом не был осмотрен судами или другим лицом по их выбору. Эти условия в совокупности не убеждают Европейский Суд в том, что итальянские суды в достаточной степени оценили серьезность трудностей, с которыми Марко мог столкнуться в Италии (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Нойлингер и Шурук против Швейцарии», § 146, с дополнительными отсылками).

96. Что касается адекватности «гарантий» благополучия Марко, предложенных его отцом и принятых итальянскими судами в качестве адекватных, Европейский Суд полагает, что разрешение первой заявительнице пребывать с ребенком от 15 до 30 дней в первый год, а затем в течение одного летнего месяца раз в год являлось явно неподходящей реакцией на психологическую травму, которая неизбежно была бы вызвана внезапным и необратимым разрывом тесных связей матери и ребенка. По мнению Европейского Суда, решение о резком погружении ребенка в лингвистически и культурно чуждую среду ни в коем случае не могло быть компенсировано посещением детского сада, плавательного бассейна и русскоязычных классов. В то время как обязательство отца об обеспечении Марко адекватной психологической поддерж-

¹ Буквально «с теорией» (прим. переводчика).

ки заслуживает одобрения, Европейский Суд не может согласиться с тем, что такая внешняя поддержка могла бы считаться эквивалентной альтернативой психологической поддержке, присущей прочным, стабильным и ненарушаемым связям ребенка и его матери.

97. Наконец, Европейский Суд отмечает вслед за властями третьей стороны, что итальянские суды не рассмотрели альтернативных решений для обеспечения контактов Марко и его отца.

98. По этим причинам Европейский Суд заключает, что вмешательство в право заявителей на уважение семейной жизни не было «необходимым в демократическом обществе» в значении пункта 2 статьи 8 Конвенции. Соответственно, имело место нарушение статьи 8 Конвенции в части решения итальянских судов о возвращении Марко в Италию.

(с) Процессуальная несправедливость процесса принятия решений в Римском суде по делам несовершеннолетних

99. Что касается справедливости итальянского процесса принятия решений, заявители полагали, что отсутствие первой заявительницы на слушании Римского суда по делам несовершеннолетних делало его несправедливым и не обеспечивало надлежащее уважение интересов, гарантированных статьей 8 Конвенции (см., *inter alia*, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Йосуб Карас против Румынии», § 41).

100. Европейский Суд находит, что процессуальное равенство сторон дела было соблюдено, что касается уважения интересов заявителей в соответствии со статьей 8 Конвенции. Главный процессуальный вопрос в настоящем деле заключался в том, могли ли власти, принимавшие решение, надлежащим образом уважать и соблюдать права сторон в соответствии со статьей 8 Конвенции. Принимая во внимание, что отец Марко и первая заявительница представили при содействии адвокатов подробные письменные объяснения итальянским судам двух инстанций, Европейский Суд признает, что требование процессуальной несправедливости статьи 8 Конвенции было соблюдено (см. также выводы Европейской комиссии, настоящего Постановления, § 43). Что касается адекватности реакции этих судов на доводы, представленные заявителями, Европейский Суд указывает на свои выводы, сделанные ранее.

101. Соответственно, по делу требования статьи 8 Конвенции в части отсутствия первой заявительницы на слушании Римского суда по делам несовершеннолетних нарушены не были.

II. ИНЫЕ ЖАЛОБЫ

102. Заявители также жаловались в соответствии с пунктом 1 статьи 6 Конвенции на длительность и несправедливость первого этапа разбирательства в итальянских судах и на тот факт, что Марко не был заслушан итальянскими судами лично.

103. Однако с учетом всех представленных ему материалов, и насколько эти доводы относятся к компетенции Европейского Суда, он находит, что они не свидетельствуют о наличии признаков нарушения прав и свобод, предусмотренных Конвенцией или протоколами к ней. Отсюда следует, что эта часть жалобы является явно необоснованной и подлежит отклонению в соответствии с пунктами 3 и 4 статьи 35 Конвенции.

III. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

104. Статья 41 Конвенции предусматривает:

«Если Европейский Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Европейский Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. УЩЕРБ

105. Заявители требовали 10 000 евро в качестве компенсации морального вреда, приблизительно 10 евро за каждый день беспокойства с момента, когда заявители впервые узнали о требовании отца Марко о возвращении Марко в Италию.

106. Государство-ответчик утверждало, что заявительница не представила свои требования в подробной разбивке, как того требует пункт 2 правила 60 Регламента Европейского Суда.

107. Европейский Суд отмечает, что заявители в достаточной степени объяснили метод, примененный для достижения суммы, требуемой в качестве компенсации морального вреда. С учетом того факта, что заявители должны продемонстрировать наличие прямой связи между нарушением статьи 8 Конвенции, установленным Европейским Судом, и моральным вредом, причиненным решением о возвращении, Европейский Суд присуждает заявителям совместно 10 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

В. СУДЕБНЫЕ РАСХОДЫ И ИЗДЕРЖКИ

108. Что касается судебных расходов и издержек, заявители требовали возмещения общей сум-

мы 13 610 евро 69 центов, исчисленной следующим образом: 171 евро за две психологические экспертизы второго заявителя, 643 евро за переводы документов, поступивших из Европейского Суда, 10 500 евро гонораров в связи с представительством первой заявительницы в итальянских судах, 1 815 евро за представительство заявителей в Европейском Суде, 371 евро за семейную психотерапию заявителей и 110 евро 69 центов за почтовые расходы.

109. Государство-ответчик утверждало, что заявительница не представила это требование в подробной разбивке, как того требует пункт 2 правила 60 Регламента Европейского Суда. Кроме того, заявители не указали, какие именно документы Европейского Суда требовали перевода.

110. В соответствии с прецедентной практикой Европейского Суда заявитель имеет право на возмещение расходов и издержек только в части, в которой они были действительно понесены, являлись необходимыми и разумными по размеру. В настоящем деле с учетом представленных ему документов и вышеупомянутых критериев Европейский Суд находит разумным присудить заявителям совместно 5 000 евро, покрывающих издержки по всем основаниям.

С. ПРОЦЕНТНАЯ СТАВКА ПРИ ПРОСРОЧКЕ ПЛАТЕЖЕЙ

111. Европейский Суд счел, что процентная ставка при просрочке платежей должна быть установлена в размере предельной годовой процентной ставки по займам Европейского центрального банка плюс три процента.

На основании изложенного Суд:

1) *отклонил* большинством голосов возражение властей государства-ответчика о неисчерпании внутренних средств правовой защиты;

2) *признал* большинством голосов жалобу приемлемой в части решения о возвращении второго заявителя к его отцу в Италию и отсутствия первой заявительницы на слушании в Римском суде по делам несовершеннолетних;

3) *признал* единогласно жалобу в остальной части неприемлемой;

4) *постановил* шестью голосами «за» и одним – «против», что по делу допущено нарушение требований статьи 8 Конвенции в части решения итальянских судов о возвращении второго заявителя в Италию;

5) *постановил* единогласно, что по делу требования статьи 8 Конвенции в части отсутствия первой заявительницы на слушании Римского суда по делам несовершеннолетних нарушены не были;

б) *постановил* шестью голосами «за» и одним – «против»:

(а) что государство-ответчик обязано в течение трех месяцев со дня вступления настоящего Постановления в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции выплатить следующие суммы:

(i) 10 000 евро (десять тысяч евро) заявителям совместно, а также любой налог, начисляемый на указанную сумму, в качестве компенсации морального вреда;

(ii) 5 000 евро (пять тысяч евро) заявителям совместно, а также любой налог, обязанность уплаты которого может быть возложена на заявителей в связи с этой суммой, в качестве компенсации судебных расходов и издержек;

(б) что по истечении указанного трехмесячного срока и до произведения окончательной выплаты на указанные суммы начисляются простые проценты в размере предельной годовой ставки по займам Европейского центрального банка плюс три процента;

7) *отклонил* единогласно оставшуюся часть требований заявителей о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке, уведомление о Постановлении направлено в письменном виде 12 июля 2011 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Стэнли НАЙСМИТ
Секретарь
Секции Суда

Франсуаза ТЮЛЬКЕНС
Председатель
Палаты Суда

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Суда к Постановлению прилагается особое мнение судьи Поповича.

Ф.Т.
С.Х.Н.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ПОПОВИЧА

Я нахожу жалобу неприемлемой в соответствии с пунктом 1 статьи 35 Конвенции, поскольку, не подав жалобу в Кассационный суд, заявители не исчерпали внутренние средства правовой защиты.